

УДК 94(47)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/59/6

## **ФЕНОМЕН «КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ» РУСИНОВ ГАЛИЦИИ В УКРАИНСКОМ И РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

**Б.П. Савчук<sup>1</sup>, Г.В. Билавич<sup>2</sup>**

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника  
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

<sup>1</sup> E-mail: boris\_savchuk@ukr.net

<sup>2</sup> E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

### **Авторское резюме**

В основу исследования этнической идентичности русинов Галиции положен концепт оспаривавшегося Российской империей и монархией Габсбургов пограничья, которое играло решающую роль в формировании этого феномена, и его понимания общественными деятелями первой половины XIX в. Показана сущность «кризиса идентичности» галицких русинов, состоявшая в том, что ни один из ее основных признаков (язык, вероисповедание, обряд, традиция и др.) в силу специфики пограничья не мог быть определяющим. Охарактеризованы основные векторы дискурса по данному вопросу, представленные в воззрениях интеллектуалов Галиции (И. Лозинский, И. Левицкий, М. Шашкевич, Я. Головацкий, Д. Зубрицкий и др.), Малороссии (П. Лукашевич, М. Максимович и др.), Великороссии (И. Орлай, Ю. Венелин, П. Кеппен, М. Погодин, И. Срезневский, А. Кочубинский, В. Кельсиев и др.).

**Ключевые слова:** русины, Галиция, «кризис идентичности», язык, Малороссия, научный дискурс, Российская империя, монархия Габсбургов.

# THE PHENOMENON OF “IDENTITY CRISIS” OF GALICIAN RUSINS IN UKRAINIAN AND RUSSIAN DISCOURSE OF THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

**B.P. Savchuk<sup>1</sup>, G.V. Bilavych<sup>2</sup>**

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University  
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

<sup>1</sup> E-mail: boris\_savchuk@ukr.net

<sup>2</sup> E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

## Abstract

The article analyses the phenomenon of the “identity crisis” of the Galician Rusins in the Ukrainian and Russian discourse of the first half of the 19th century. The study of the ethnic identity of the Galician Rusins is based on the concept of the borderland disputed by the Russian Empire and the Habsburg Monarchy, which played a decisive role in the formation of this phenomenon and its understanding by public figures of the first half of the 19th century. The “identity crisis” of the Galician Rusins consisted in the fact that neither of its main features (language, religion, ritual, tradition, etc.) could be decisive due to the specificity of the borderland. The authors describe the main discourse vectors on this issue as viewed by the intellectuals in Galicia (I. Lozynsky, I. Levytsky, M. Shashkevich, Ya. Golovatsky, D. Zubrytsky and others), Little Russia (P. Lukashevich, M. Maksimovich and others.), Great Russia (I. Orlai, Yu. Venelin, P. Keppen, M. Pogodin, I. Sreznevsky, A. Kochubinsky, V. Kelsiev and others).

**Keywords:** Rusins, Galicia, identity crisis, academic discourse, language, Great Russia, Russian Empire, Habsburg Monarchy.

В 50-х гг. XIX в. тогда еще молодой и неизвестный поэт и художник Корнило Устиянович писал своему отцу, знаменитому писателю Николаю: «Скажи мне, отец, что [кто] мы собственно есть? Мы мыслим по-немецки, говорим по-польски, а пишем как? – по-русски!» [38: 11]. В этом емком риторическом вопросе фокусируется многоликая сущность «кризиса» этнической идентичности русинов Галиции первой половины XIX в., ибо все названные маркеры проявлялись двойственно, ситуативно и не могли быть основой для ее определения.

Актуальность обозначенной проблемы состоит в том, что и в начале XXI в. в условиях глобализации общественной жизни вопрос этнической идентичности остается злободневным в общественном и

научном дискурсе, ибо не имеет четких маркеров определения. Аккумулируя разные теории и подходы, претендующие на его обоснование, в контексте темы нашего исследования этническую идентичность рассматриваем как форму рефлексии индивида относительно своей причастности к определенной этносоциальной общности. Фундаментом ее формирования и основными маркерами проявления служат прежде всего культурно-символические признаки – язык, религия, общность происхождения, территория проживания, общая историческая память (миф), традиции и обычаи [30: 26–44].

Историография этнического развития русинов Галиции в XIX в. имеет двухвековую традицию и представлена профильной научной литературой по истории, лингвистике, этнографии, фольклористике исследователей Украины, России, Польши и других стран. Разные аспекты проблемы этнической идентичности галицких русинов рассматриваются в работах современных ученых Я.И. Грицака [7], Л.Г. Ивановой [9], П.-Р. Магочия [46], А.И. Миллера, О.А. Остапчук [16], Б.Н. Миронова [17], М.М. Мудрого [18], О.И. Павлишина [25], Н.М. Пашаевой [26], И.Я. Райковского [28], С.Г. Суляка [33–35], А.Н. Сухого [32], О.Ю. Турия [37], И.-П. Химки [44] и др. Обозначенный феномен преимущественно анализируется фрагментарно в контексте изучения разных аспектов исторического процесса. Это актуализирует его предметное целостное осмысление сквозь призму дискурса интеллектуалов и общественных деятелей Галиции, Малороссии и Великороссии первой половины XIX в., который во многом предопределяет изыскания современной историографии.

Наше исследование в некоторой мере (по принципу от конкретного к общему) является продолжением историко-биографических работ С.Г. Суляка, где раскрывается пребывание в населенных славянами регионах Карпато-Днестровской Руси известных русских ученых И.И. Срезневского, А.С. Будиловича, А.А. Кочубинского и анализируются их этапы деятельности, касющиеся, в частности, идентичности, русинов Галиции, Буковины, Подкарпатской Руси [33–35].

Из разнообразия представленных в историографии научных работ по этнической идентичности русинов Галиции выпадает, по нашему мнению, одно из главных интегрирующих оснований – этнокультурное пограничье, которое часто играло решающую роль как в кристаллизации этого феномена, так и в его интерпретации исследователями. Специфика оспариваемого пограничья, находившегося на стыке противостояния двух империй во главе с династиями Габсбургов, под властью которых пребывала Галиция с конца XVIII в. до 1918 г., и Романовых, которые подчинили Днепровскую Украину (Малороссию), обуславливала характер трех основных векторов дискурса по обозна-

ченному русинскому вопросу, который представляли общественные деятели Галиции, Малороссии, Великороссии.

Исходя из концепта этнокультурного пограничья, этот дискурс рассматриваем в контексте широкого этнокультурного пространства, крайними точками которого были Вена на западе, Киев на востоке, Санкт-Петербург на севере, Балканы на юге. Его значительная часть была заселена восточными славянами, которые говорили на понятных друг другу языках и диалектах, сохраняли общую память о своей связи с Киевской Русью, остро чувствовали принадлежность к восточнохристианскому или греко-католическому обрядам [7: 31–32]. По мнению американского историка Дж.А. Армстронга, в первые десятилетия XIX в. это пространство еще не было разделено между разными национальными проектами, которые под влиянием децентрализованных политических и культурных центров (Санкт-Петербург, Вена, Буда, Вильнюс, Киев) только начали кристаллизироваться в определенных вариантах [43: 129–130].

С такой позиции дискурс, касающийся этнической идентичности русинов Галиции, можно рассматривать в контексте всего европейского пространства. Именно в первой половине XIX в. в условиях пограничья под воздействием внешних и внутренних факторов в этом дискурсе начали выдвигаться разные, часто противоречивые и амбивалентные проекты относительно интеграции галицких русинов в моно- или полиэтническую общность: создание единого восточнославянского «этноса-нации» («проект Пушкина» и др.); вливание в польскую или российскую нации, которые переживали активные процессы формирования; возможность создания «русской» (украинско-белорусской) общности по аналогии с существовавшей в Великом княжестве Литовском в XV–XVI вв.; слияние русинов Галиции (вместе с русинами Буковины, Подкарпатской Руси или без них) с малороссами Поднепровья в «русско-украинскую» нацию; создание австро-русинской нации вместе с русинами Буковины и Подкарпатской Руси (или без них); утверждение русинов Галиции как отдельной нации и др. Эти проекты с разной выразительностью озвучивались представителями интеллектуальных элит Галиции, Малороссии, Великороссии.

Источником и предпосылкой дискурса стал «кризис идентичности» галицких русинов, который проявился в многоликости и изменчивости ее основных признаков (язык, вероисповедание, исторический миф, культурная традиция). Рассмотрим это концептуальное положение сначала в контексте реалий общественной жизни русинов Галиции, а затем сквозь призму интеллектуального дискурса первой половины XX в., который оказал существенное влияние на современную историографию данной проблемы.

В силу объективных социально-исторических условий главными признаками этнической самоидентификации европейских народов в XVIII – начале XX в. были язык и вероисповедание (обряд). Исходя из этнической структуры населения<sup>1</sup>, эти признаки условно могли быть приемлемы и для Галиции. Однако ее специфика как пограничья, расположенного на стыке культурно-религиозных ареалов *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*, обусловила двойную, изменчивую функциональность церковного обряда как маркера идентичности.

Религия была основой воспитания для всех социальных групп русинского населения Галиции, однако если для крестьян христианские ценности убогости, смирения были аргументом для принятия своего положения в ожидании вознаграждения после земной жизни, то в среде интеллигенции обряд стал еще и средством утверждения национальной идентичности. Он играл немаловажную роль в размежевании русинов с поляками, но при этом, как ни парадоксально, священнослужители и верующие греко-католической церкви в зависимости от обстоятельств могли декларировать как «католическую принадлежность» (в отношениях с австрийской властью и католическим клиром апеллировали к официально гарантированному равноправию всех католических обрядов), так и «православное происхождение»<sup>2</sup>, когда дело касалось национально-культурных вопросов.

Схема, согласно которой русины Галиции отождествлялись с греко-католиками, поляки – с римо-католиками, евреи – с иудеями, немцы – с евангелистами и лютеранами и разговаривали, соответственно, на языках «руськом»<sup>3</sup>, польском, идиш, немецком, не срабатывала даже относительно крестьянства, которое составляло 95 % населения края.

Ярким свидетельством этому стали латинники, которые в начале XIX в. составляли почти 30 % населения Галиции. Преимущественно так называли крестьян римо-католического обряда, разговаривавших на «руськом» языке. Несмотря на столетний дискурс [25], проблема их происхождения и проявления разных этнокультурных маркеров остается открытой. Поэтому любое из доминирующих положений, согласно которым латинники были «обрусевшими» переселенцами-поляками или перешедшими в католицизм русинами и др., свидетельствует о глубине «кризиса идентичности» как объективном следствии этнической ситуации в оспариваемом пограничье.

Что касается русинской интеллигенции Галиции, которую представляли главным образом греко-католическое духовенство и немногочисленные служащие, то здесь проблема языка как маркера идентичности была еще сложнее. Об этом свидетельствуют мемуарные нарративы, отражающие характерную для всего XIX в. ситуацию. «Парадоксальная амбивалентность» этого признака состояла в том,

что в публичной жизни вопрос языка набрал острое общественно-политическое звучание и стал выразительным маркером национальной самоидентификации, однако в частной жизни он терял такую категорическую окраску, поэтому полилингвизм в быту считался обычным и приемлемым явлением.

Это объяснялось всем укладом жизни русинской интеллигенции. Воспитанная в польских школах, работавшая в польскоязычной среде, читавшая польскую научную и художественную литературу и зарубежные переводы на польском языке, она закономерно начала мыслить и могла излагать свои мысли в общении, особенно в письменной речи, именно на нем.

В таких условиях, по свидетельству влиятельного деятеля Галиции Кирилла Трилевского, в семьях греко-католического духовенства господствовал «аристократическо-польский дух» [36: 31]. Несмотря на обостренное чувство «непольскости», граничившее с «полонофобией», разговорным языком был польский. Известный композитор и публицист Анатолий Вахнянин вспоминал: «...со школьными товарищами мы разговаривали почти исключительно по-польски, на станциях – по-польски, в городе – по-польски... В доме моих родственников слышал я только польский и немецкий язык. Дома священников были насквозь ополячены... Мы называли себя русинами, обижались, когда кто-то нас называл поляками, но, несмотря на это, были мы национальным зером» [1: 22].

В унисон ему свидетельствовал представитель давнего галицкого рода известный этнограф Станислав Шухевич: его бабушка с удовольствием разговаривала на польском языке, но «поляков на дух не переносила» [42: 60]. Когда известный общественный деятель Тит Ривакович обратился в письме к своей сестре с просьбой «писать по-руськи», то получил ответ, что изъясняться «по-руськи» ей тяжело, а «писать только о температуре или катаре времени жаль. Переписываясь по-польски, делу руському не вредим... так как чувствами являемся добрыми русинками, а письма наши не будут документами историческими» [2: 23].

Некоторой части «руськой» интеллигенции удавалось избежать такой «языковой индеферентности» и однозначно выражать свое национальное «Я». Об этом красноречиво свидетельствовал ученый, журналист, культурный деятель Владимир Охримович, получивший в семье «образец руського национального воспитания». Начав школьное обучение, он уже был четко убежден, «что надо быть русином (хотя хорошо еще не знал этого понятия), что надо по-руськи разговаривать». По его словам, имел он тогда «определенное, хотя и малое предубеждение к полякам, хотя четко не понимал, откуда его

вынес: или с того, что отец меня спрашивал часто: или ты русин, или ты поляк, или с того, что по-польски отец запрещал разговаривать, или, возможно, таким духом веяло с некоторых книг, которые я читал, не знаю» [40: 2–3].

Эти размышления мемуаристов также были важной составляющей дискурса по вопросу идентичности русинов. Его содержание рассматриваем в последовательности развития в Галиции, Малороссии, Великороссии.

Процесс национального пробуждения русинов Галиции в XIX в. насквозь пронизывает проблема языка, которая стала предметом наиболее острого дискурса, охватившего широкий круг вопросов общественного развития. Его первым ярким проявлением стали т. н. азбучные войны 1833–1837 и 1858–1859 гг. Этим, очевидно, позаимствованным от словенской «азбучной войны» 1830–1933 гг. названием стали обозначать противостояние между сторонниками выбора кириллицы или латиницы как основы формирования «русского» литературного языка русинов Галиции. Его содержание и характер отражают идеи и взгляды известных деятелей края.

Первым выступил известный священник и филолог Йосиф Лозинский, который утверждал, что «русский» письменный язык является «необработанным», «нелитературным», «необразовательным», поскольку основывается на фонетике церковнославянского языка. Вместо него предлагалось ввести польский алфавит («abecadło»), буквы которого «наиболее пригодны для воспроизводства каждого русского звука», поэтому лучше соответствуют живому народному языку и приспособлены для письма [45].

С критикой этого проекта выступили сначала священник и языковед Йосиф Левицкий<sup>4</sup>, затем Маркиян Шашкевич [41], историк Богдан Дидицкий [22] и др. Сторонники сохранения кириллицы с разных позиций доказывали, что она была создана специально для восточных славян и стала важным символом культурной самобытности галицких русинов. Утверждалось, что буквы кириллицы не читаются по их названиям, поэтому она наиболее адекватно отражает на письме звучание «русского» языка, а введение латиницы нивелирует его статус, противоречит духу русинов, вызовет общенародный протест, откроет путь для полонизации и окатоличивания.

Актуализировав вопрос национальной самоидентификации галицких русинов, дилемма «кириллица или латиница» трансформировалась из языкового в широкий общественно-политический дискурс, в который были втянуты венские правительственные круги и поляки в лице администрации Галиции, а также некоторые славянские деятели. Так, в условиях Галиции как культурно-языково-религиозного погра-

ничья алфавит стал многозначным символом, который нес важную этнокультурную и этнорелигиозную нагрузку и стал выразительным маркером национальной идентичности русинов. Выбор кириллицы, несмотря на определенные преимущества латиницы<sup>5</sup>, засвидетельствовал их цивилизационный выбор.

Именно в то время с побуждениями утвердить статус живого народного языка как литературного, сохранить культурное наследие и популяризовать исторический миф русинов Галиции выступила «Руськая троїца». В историю украинской и славянской культуры это знаковое явление вошло от названия кружка его трех инициаторов – Маркияна Шашкевича, Ивана Вагилевича и Якова Головацкого, которые везде общались на «крестьянском» «руськом» языке, что явно выделяло их в этнокультурной среде Львова, где по численности русины (5 %) существенно уступали полякам (55 %) и евреям (37 %). Изданный ими при помощи словацкого деятеля Яна Коллара фольклорно-этнографический сборник «Русалка Днѣстровая», несмотря на «незначительное содержание» и «неясные мысли», стал «для своего времени явлением абсолютно революционным» [39: 90–91].

При отсутствии специальной аналитики «Русалка Днѣстровая» выразительно определяла культурное положение галицких русинов («Судило нам ся послѣдним бути. Бо колі Славяне вершка ся дохаплють, и єсли не уже, то невком побратають-ся с поуним, ясным сонцем; нам на долинь в густійстенній мраць гибѣти» [29: III], основные маркеры (язык, обряд, исторический миф, традиция) их идентичности и некоторые проекты их этнонациональной интеграции. Наиболее выразительно проявился первый маркер: само содержание «Русалки Днѣстровой» определяло нормы народного языка галицких русинов и декларировало пригодность его использования как литературного. Другие маркеры проявлялись в знаковости и символизме образов, отслеживаемых в фольклорном материале.

В украинской историографии роль и значение «Русалки Днѣстровой», как и других произведений «Руськой троїцы», преимущественно определяются идеями о единстве подавстрийских русинов и подросийских малороссов. В таком контексте обозначались основные маркеры их этнической идентичности. Этноним «русины», как и прилагательные «руський», «южноруський», употреблялся как синонимический для обозначения единого славянского народа, живущего «от гор Бескидских [Карпатских] за Дон». Употребление слова «Украина» относительно Приднестровья утверждало его кровное и духовное родство с галицким Приднестровьем. Апеллирование к общему историческому мифу выражалось в идеализации имевшей «честь и славу» Древней Руси (Святой Руси), которая неким образом



противопоставлялась «недоли» времен Козаччины и современному периоду, но вселяло надежду на «возвращение... счастливых времен» [29].

Кроме «русинско-малороссийского», в думах «Русалки Днѣстровой» отслеживается проект создания «украинско-белорусской» общности на интегрирующей основе исторической традиции (борьба запорожских казаков против турок и татар и др.) [29: 23–35].

Очевидно, именно М. Шашкевич одним из первых обосновал разные проявления (название, язык, территория, культура, характер) этнической идентичности русинов Галиции. Об этом свидетельствует его немецкоязычная статья «Die Ruthener» («Русины»)⁶, где утверждается, что их «славянское происхождение» охватывает территорию «от середины Галиции за Дон, до Кавказа, от Тисы, Карпат, Черного моря до Литвы. Тут найдешь те же самые язык, верования, обычаи и обряды, схожесть способа жизни, сродство "сердца и души". Кроме самоназвания "русины", их именуют как "червонороссы", "малороссы", "казаки" и др. Они живут по обоим берегам Збруча (около 3 млн под Австрией и 14 млн под Россией), по языку, характеру, удаче, другим чертам существенно отличаются от поляков и великороссов».

Уместно отметить, что члены «Руськой троицы» обращались друг к другу и подписывали свои произведения присвоенным именами: Шашкевич – Руслан, Вагилевич – Далибор, Головацкий – Ярослав. Глубокий смысл и символизм их самоидентификации состоят в сознательном выборе славянских имен, за исключением имени Руслан, которое имплицитно (Рус, Руско, Русмир) указывает на этноним «русины» и землю, которую они населяли, – Русь. Использование в Галиции этнонима «русин» как собственного имени фиксируется в источниках конца XVIII в. [7: 28–29], а Я. Головацкий использовал псевдоним Гаврило Русин как фамилию⁷.

При этом, как ни парадоксально, «Руськая троица» стала и ярким проявлением «кризиса идентичности» русинов Галиции. После распада судьба ее лидеров стала олицетворением зарождавшихся идейно-политических ориентаций: считая себя русинами, И. Вагилевич примкнул к полонофилам, Я. Головацкий – к русофилам, и трудно предугадать, где бы оказался М. Шашкевич, если бы не ранняя смерть.

Если «азбучные войны» и творчество «Руськой троицы» стали проявлением интеллектуального дискурса по вопросу этнической идентичности галицких русинов, то его третий яркий эпизод, связанный с эпохальными событиями «Весны народов» 1848 г., показал, что он переносится в общественно-политическую плоскость. Поэтому все маркеры идентичности и проекты этнонационального слияния русинов переплетались в большом узле противоречий.

При описании событий «Весны народов» 1848 г. фокус закономерно смещается на деятельность созданного 2 мая 1848 г. первого политического представительного органа русинов – Главной руськой рады (ГРР), которая по примеру других славянских народов монархии Габсбургов стала проявлением их стремления к национальному самоопределению и самостоятельности. Принятое 10 мая программное воззвание ГРР провозглашало: «Мы, русины галицкие, принадлежим к великому руському народу, который одним говорит языком и 15 миллионов насчитывает, из которого треть миллиона землю галицкую заселяет». Его бывшее единство подтверждалось общим историческим прошлым: «...тот народ был когда-то самостоятельным, приравнивался своей славой другим могущественным народам, имел свой письменный язык, свои собственные уставы, был... богатым и сильным» [20].

Некоторым диссонансом идее такого единства звучал 1-й параграф устава ГРР, согласно которому ее членом мог быть только «каждый честный русин греческого обрядка, признающий до русской народности» [6: 21]. Это фактически делало невозможным участие в ней русинов-католиков.

В дискурсе 1848 г. прослеживается противоречие между легитимизацией галицкими русинами своего национального «Я» и выбором исторического мифа, с одной стороны, и видением своего будущего развития – с другой. Показательным в этом отношении стало обращение общественного деятеля Кирилла Винковского к львовским семинаристам во время подписания 19 марта 1848 г. исторической декларации к императору: «Не забывайте, что вы руське племье, отдельное от поляков, что у вас другая национальность, своя история, свой язык, словом – вы русины» [6: XI–XII]. В унисон ей в одной из деклараций ГРР типично утверждалось: «Когда-то и мы были самостоятельным могущественным народом под своими князьями с роду Владимира Великого... Страна потеряла... политическую независимость, однако народ остался верным своей национальности» [24: 12].

В то же время ГРР как основной субъект национального дискурса фактически предлагала проект превращения галицких русинов в австро-русинскую нацию. Он выразительно представлен в материалах официального органа ГРР – «Зори Галицкой». Так, в программной статье за 6 июня 1848 г. утверждалось, что русины «зачали сами о своих потребах радити» и заявили перед целым миром, что хотят свою «оутиснену народность пиднести», свободы конституционные сохранять и развивать, но желают это делать «въ связъ зъ Австрійов, яко часть до ей цѣлости» [6: XVIII].

Такая непоследовательность объяснялась историческими условиями формирования и общественно-политическими обстоятельствами

проявления идентичности русинов Галиции. Анализ событий 1848 г., фокусирующих процессы этнокультурного и политического развития предыдущих десятилетий, позволяет утверждать, что одним из главных мотивов публичного декларирования этнокультурной самобытности и стало ее неприятие и отрицание поляками. «Сепарирование» от них в критическое для своего существования революционное время поддержала австрийская корона. Следует признать, что еще с конца XVIII в. она признала существование в Галиции двух разных по ряду признаков основных народностей – русинов и поляков. Но публично об этом было заявлено только в 1848 г. в специальном мемориале: «Русины отличаются от поляков языком, письмом, привычками и церковным обрядом» [24: 11]. И русины, в отличие от других славянских народов монархии Габсбургов, отблагодарили ее своими искренними заверениями в лояльности и верности, за что получили название «тирольцы востока».

Тезис о единстве с малороссами Поднепровья стал одним из основных аргументов в полемике с польскими деятелями относительно национальной принадлежности галицких русинов. В ряде обращений к ним «Зоря Галицка» не без пафоса вопрошала и утверждала: не признаете для нас «анѣ нашої землѣ, анѣ нашого руского имени, зовете нас поляками грецького обряду и чадами однои польскои матери» (13 июня 1848 г.). «Но мы есть частью народа руського, что не уменьшает прав нашей народности, как и поляков галицких, которые есть частью народу польского» (18 июля 1848 г.). Духовное единство обосновывалось апеллированием к общей истории: Киев – столица Святой Руси, после его падения столицей стал Галич, потом «работала Русь под Татарскою, Литовскою и Польскою державою – днесь Россія и Австрія держат тотъ народ под властью своею» (15 августа 1848 г.).

Отметим и тот факт, что на фоне всеобщего подъема национального духа подобных взглядов тогда придерживались деятели, которые позже выступили адептами русофильского движения в Галиции. В частности, Денис Зубрицкий в своих письмах отмечал, что в 1848 г. «едва 10 человек находилось в Галиціи, которые разумѣли настоящее русское слово... [Но] почти общее біло мнение образованных моих сородичей, что наш русскій и так называемый ими московскій или росскій народъ есть два чуждые и различные между собою народы» [19: 59]. А его младший сподвижник Богдан Дедицкий в своих воспоминаниях свидетельствует, что в 1848 г. «якъ наибольшая часть наших русиновъ» под Русью он тогда представлял «только Южную или Малую Русь съ ея... стольными градами Києвом и Галичемъ, а Съверную Великую Русь уважали мы хотя и сродную намъ по общеславянському происхождению, но... не свою, якъ не свою была даже и ближе ся

нами сусѣдня, тоже славянская Польша. Еще жь къ тому тую Сѣверную Русь издавна называно у насъ загаломъ “Москвою”» [8: 8].

На фоне четкого декларирования принадлежности русинов Галиции и малороссов Поднепровья к единой «русской» общности и несколько противоречившего ему проекта создания австро-русинской нации во время «Весны народов» 1848 г. достаточно выразительно прозвучал проект слияния русинов с поляками Галиции или, точнее, признания того факта, что они являются одним народом. Его публичным ретранслятором выступил созданный 8 июня 1848 г. представителями польской шляхты в противовес ГРР, имевшей «русинские корни», «Руський собор». Хотя у ее членов (между ними оказался и бывший член «Руськой троицы» И. Вагилевич) также были разные взгляды относительно национальной принадлежности русинов [18], в общем и целом он отстаивал концепцию «раздвоенного национального сознания». Она выражалась в формуле «gente Rutheni, natione Poloni» (по происхождению рутен, по национальности поляк) или «русин польской нации»). Фактически это означало «растворение русинов в польской национальности».

«Кризис» этничности галицких русинов также отразился и на двух других сегментах дискурса по этому вопросу, хотя в этих случаях его субъекты представляли другие проекты национальной интеграции.

На гребне романтизма, стимулировавшего развитие народоведения, общественные деятели Малороссии достаточно аргументированно отстаивали этнокультурную самобытность (язык, историю, быт и др.) своей общности. Однако их представления о русинах Галиции были размытыми, фрагментарными, временами противоречивыми, потому что прямые связи между ними начали налаживаться только в 30–40-х гг. XIX в., а официальные средства печати давали скупую, часто противоречивую информацию по этому вопросу. Они имели схожие с интеллектуалами Галиции взгляды относительно кровного родства и этнокультурной близости малороссов и русинов, рассматривали Поднепровье как неотъемлемую составляющую Российской империи.

Такие воззрения проистекают из знаковых фольклорно-этнографических трудов Михаила Максимовича и Платона Лукашевича, которые, несмотря на туманные представления о Галиции, утверждали мысль о ее «самобытности», а коренное население называли «русинами», чаще населением «руським», иногда «малороссийским», «малорусским». М. Максимович во вступлении к работе «Малороссийские песни» (1827) восклицал: «Наступило... время, когда познают истинную цену народности: начинает уже сбываться желание – да создастся поэзия истинно русская!» [21: 1]. Считая песню «душой народа», он ар-

гументировал самостоятельность «южнорусского» языка, состоявшего из восточного «малороссийского» и западного «червоноруського» наречий. О колоссальном влиянии этого памятника общественной мысли на формирование поколения романтиков первых десятилетий XIX в. свидетельствует Пантелеймон Кулиш, который после ее прочтения вместе с Николаем Костомаровым «в один день» превратились из народников-великороссов в народников-малороссов [11: 63].

Наиболее выразительно представления малорусской интеллигенции о русинах Галиции отражены в работе П. Лукашевича «Малоросійскія и черворусскія народныя думы и пѣсни» (1836). Во вступлении к «Отделению II. Черворусскія думы и пѣсни» автор, исходя из материалов российской прессы и собственных фольклорно-этнографических исследований, резюмирует: «Вотъ уже пять вѣковъ какъ Галиція или Червоная Русь чужда своему отечеству – остальной Россіи. Въ продолженіе этого періода она, подобно вѣсьмъ завоеваннымъ землямъ, испытала приливъ иноземцевъ. Поляки, какъ господствующій народъ, сотнями тысячъ поселились в ѣдрахъ ся; они успели уничтожить или обратитъ в католицизмъ древней боярскіе роды, искоренить православіе, ввести на письме свой языкъ, свои законы... Червонорусцы в своей родине какъ бы не существуютъ; живя в Галиціи, вы никогда не услышите и даже не будете подозревать, что находитесь в Руси; въ высшихъ и среднихъ ся сословіяхъ одно только заграничное, чуждое имени русскому; но ступите к самому нижкому сословію Галиціи – къ поселянамъ... вы в минуту перенесетесь в Южную Русь, въ Малоросію. Червонорусцы, не взирая на... свое иноплеменное подданство, которое переносятъ съ терпениемъ, сохраняютъ по сю пору привязанность къ своему просхожденію и имени и, слѣдовательно, и къ Россіи; Украина, Малороссія есть для ихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся все ихъ помыслы и думы» [13: 103–104].

Если деятели Поднепровья обращали взоры на подавстрийских русинов в стремлении познать их положение и этнокультурную общность с подроссийскими малороссами, то научный и общественный интерес к Галиции великороссов обуславливался идеями панславизма и сближения славянских народов на основе их духовной общности. Первыми предметно изучать этот вопрос начали бывшие австрийские подданные, которые получили образование и сделали карьеру в России.

Среди них особое место занимает уроженец Подкарпатской Руси Иван Орлай. В одной из первых статей «История о карпато-россах, или О переселении россиян в Карпатскіе горы и о приключениях, с ними случившихся», опубликованной в журнале «Северный вестник» за 1804 г.<sup>8</sup>, он свою малую родину вместе с Галицией и Буковиной

называет «Карпатской Русью», а ее местное население – «руснаками», являющимися «частью народа русского» [15: 56–83]. К слову, и в документах, подаваемых на разные должности, он обозначал свою национальность как «карпаторусин».

Будучи врачом по образованию, И. Орлай активно сотрудничал с московским «Обществом истории и древностей российских». Поэтому неслучайно в работе «О Юго-Западной Руси», опубликованной в его «Записках», он обращает внимание российских историков на необходимость изучения архивов Галиции, где хранятся малоизвестные материалы, проливающие свет на «историю Руси вообще». При этом Орлай говорит о «сродстве карпаторусов с малорусами» и утверждает, что «Карпатская Русь – не Польша», поэтому ошибочно наполнять ее «болѣ поляками, нежели ея природными жителями» [23].

Заслуживают внимания труды земляка и последователя И. Орлая Юрия Венелина, которые сквозь призму «оспариваемого пограничья» и «славянского мира» отражают рецепцию российской историографии первой половины XIX в. относительно русинов Галиции и Подкарпатской Руси. В опубликованной в 30-х гг. XIX в. работе «Несколько слов о россиянах венгерских, и так же одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви в Венгрии»<sup>9</sup> и др. автор обозначил картину славянского мира: «...от Уральских гор до пределов Баварских, от Балтийского моря до Олимпа, от Черного моря до Венских... ворот» живут «главнейшие отросные народы...: россияне, болгары, поляки, чехи, после сих: моравцы, силезцы, серби... и проч.» [15: 86].

Далее Ю. Венелин фокусирует внимание на Австрии, которую, кроме 4 млн «жителей немецких», заселяют 12 млн славян, среди них более 2,5 млн «россиян». Одна часть этих «россиян обитает... на Червеной Руси, или по-нашему... на Красной Руси (Russia Rubra), а другая – в Венгрии». Утверждая, что «коренные Червеной Руси, т. е. Галиции обитатели суть россияне или, по-нынешнему, малороссияне», Ю. Венелин показал, что они «от самой руской древности известны в летописях», и обозначил их исторический путь от «Галичского княжества и части Владимирского» до конца XVIII в. [15: 87–90].

В названной работе Ю. Венелин определил контуры представлений российской историографии XIX в. о «галицеских россиянах». Они «хотя и унияты... имеют все свои церковные обряды по узаконению православной восточной церкви». Литература среди них распространяется на «немецком, латинском и польском языках», поэтому они «очень мало знакомы с правилами природного своего языка», который «только между простым народом сохраняется», а «ученые или чиновники, природные галичане, говорят или по-польски, или

по-немецки». Такая ситуация объяснялась тем, что «во всех училищах, между россиянами существующих, один только язык немецкий преподают, с неким прибавлением польского», поэтому «юношество лишь столько знает из природного языка, сколько от своих матерей выучилось» [15: 91–92].

Не углубляясь в полемику, известный галицкий славист и собиратель древностей Илларион Свенцицкий, который представил тексты работ Ю. Венелина и И. Орлая, считал, что они были далеки от мысли «подчинять свою Карпатскую или Южную Русь Северной», ибо считали местных русинов «равноправными наследниками Древней Руси» [15: 44–45].

В российском дискурсе 20–40-х гг. XIX в. не было единого взгляда на разные составляющие этнической идентичности галицких русинов. Об этом свидетельствуют взгляды Петра Кеппена, уроженца Харькова немецкого происхождения, известного этнографа и географа. Он одним из первых российских ученых в 1822 г. посетил Галицию, где работал в архивах, библиотеках, проводил полевые исследования, встречался с местными учеными и культурными деятелями.

Исходя из собранных лингвистических материалов и собственных наблюдений, П. Кеппен в работе «Литература славянских народов» (1836)<sup>8</sup> и др. более четко, по сравнению с Ю. Венелиным, разграничивал великороссов, малороссов и русинов галицких. Он указывал на «нѣкоторую... но небольшую» разницу между «малороссійским языком» и «нарѣчием русняцкимъ»: «Въ Бродахъ я забываль, что нахожусь за границей. На улицахъ всѣ крестьяне говорили по-малороссійски. Я легко ихъ понималь, но они съ большею трудностію выразумѣли то, что я старался имъ объяснить малороссійскимъ нарѣчіемъ» [15: 123].

Особенный интерес представляет творческое наследие известного филолога-слависта Измаила Срезневского. В исследуемом ракурсе его достаточно полно раскрыл С. Суляк, показав, как во время пребывания в заграничной командировке в 1839–1842 гг. ученый посетил Галицию, где встречался с Я. Головацким, Д. Зубрицким, И. Левицким, знакомился с местной культурой, собирал материалы для своих исследований. Анализируя правительственные донесения, «Путевые заметки» и научные работы И. Срезневского на русинскую тематику, С. Суляк делает акцент на его исследованиях о языке русинов, в котором выделялись отдельные наречия (западное, южное, восточное и «в середине – галицкое»), а также на обозначенных ученым общих и отличительных чертах языков Карпатской Руси, Малороссии, Великороссии и т.д. [35]. Представленное Срезневским восприятие языкового маркера выводило дискурс этнической идентичности галицких русинов на качественно новый, научно-лингвистический уровень.



Особое место в формировании представлений о русинах Галиции среди научных и государственных кругов России принадлежит историку, публицисту, профессору Московского университета Михаилу Погодину, который неоднократно бывал в Галиции, поддерживал тесные связи с ее деятелями и заметно влиял на развитие общественно-политических процессов в крае. Как один из главных идеологов по вопросу этнической идентичности и перспектив национальной интеграции галицких русинов, он обосновывал его с позиций панславизма и теории «официальной народности».

В ракурсе рассмотрения этой проблемы сквозь призму «оспариваемого пограничья» представляют интерес два донесения министру народного просвещения Сергею Уварову, направленные М. Погодиным после посещения ряда европейских стран, в частности Галиции, в 1835 и 1842 гг. В них жизнедеятельность русинов, как и других славянских народов монархии Габсбургов, интерпретируется с позиций ее геополитического противостояния Российской империи.

В первом письме-отчете 1839 г. М. Погодин обозначил основные идентификационные маркеры русинов Галиции, «которых имени не было слышно». Подчеркивалось, что «русины угнетенные более всех, потому что ближе к нам, под тройным игом австрийцев, поляков, католицизма провозглашают теперь свое имя, занимаются своей историей, т.е. русской историей, записывают свои предания, печатают памятники, собирают песни, исследуют наречие, словом, начинают свою собственную, особенную литературу» [27: 191–192].

В представлениях М. Погодина русины Галиции и Подкарпатской Руси вместе с малороссами Поднепровья и великороссами составляли единую этнокультурную общность с общими языком, историей, религией, именами: «...эти русины, жители Галиции и Северо-Восточной Венгрии, нашего древнего, знаменитейшего Галицкого княжения, суть чистые русские, такие же русские, каких мы видим в Полтаве или Чернигове, наши родные братья, которые носят наше имя, говорят нашим языком, исповедуют нашу веру, имеют одну историю с нами, чистые русские, которые... горько жалуются на наше невнимание» [27: 197].

В отличие от П. Кеппена, Ю. Венелина, И. Срезневского, которые на основе исторических, фольклорно-этнографических, лингвистических исследований в русле существующих идейных парадигм рассматривали научный дискурс этнической идентичности русинов Галиции, М. Погодин формировал официальную, априори однозначную государственную позицию, поэтому его не смущал даже наиболее противоречивый маркер, касавшийся вероисповедания. Доказывая, что «России... принадлежит... по праву Галиция», М. Погодин утверждал, что она «населенная чистыми русскими, исповедниками греческими,



которые привержены к православию... теперь уже прошедших русских униатов» [27: 194–195].

Во «Втором донесении министру народного просвещения о путешествии 1842 года...» вопрос об этнической идентичности русинов Галиции рассматривается в плоскости российско-австрийского противостояния. С таких позиций обосновывались «приверженность» и понимание русинами «своей общности с великороссами». После 1839 г. «обстоятельства в нашей несчастной Галиции еще тяжелее», «русины... для австрийцев ненавистнее даже всех прочих славян, потому что ближе всех к России по своему родству, вере, языку и истории.... Известие об уничтожении унии их обрадовало, и они готовы обратиться к нашему православию, которое держалось у них, как известно, долее, чем даже у нас, и только недавно, в прошедшем столетии, уничтожено. “Скоро ли вы нас возьмете к себе? – говорят они всякому русскому путешественнику... – Вы променяли нас на Польшу! Ну, что вам в Польше? Там вас не любят, а мы вам преданы душою и телом”».

Продемонстрировав факты преследования русинов Галиции за их приверженность России, М. Погодин указал, что австрийская власть ведет против нее целенаправленную акцию дезинформации: «...получили они [русины] темное понятие о том, что русское народонаселение Галиции вместе со всею Малороссией отличается от жителей Москвы и прочих северных губерний, и бросились с жадностью на эту мысль, стараются ее подтвердить, распространить в народе» [4: 216–217].

Михаил Погодин предлагал разные пути решения русинского вопроса. Его риторика часто набирала эмоциональную окраску, но идейным стержнем всегда был аспект идентичности. Показательным в этом отношении является его обращение «Къ Галицкимъ братьямъ», в котором после пересказа сюжета о смертной каре Остапа из гоголевской повести «Тарас Бульба» идет характерная для таких текстов констатация: «Пятьсотъ лѣтъ страдали, мучились и стонали... Галичане, наши родные братья, подъ игомъ враждебныхъ племень... религий... языков! Они должны были тщательно скрывать свое происхождение... отпираться от своего родства... искажать свое имя...» [12: 17–18]. Далее автор убеждает, что в 1848 г. только под давлением русины были вынуждены заявить, что они «Ruthenen», а не «Russen» («Русскіе»), что их письмо – гражданка, а не церковнославянское, что связаны они «тысящелѣтнею исторіей, церковнымъ обрядомъ, языкомъ и литературой съ великимъ русскимъ народомъ...» [12: 19]. Таким образом, небывалый ранее подъем самосознания русинов Галиции во время «Весны народов» объяснялся не как закономерное объек-

тивное явление, обусловленное примером провозглашения своей идентичности других славянских народов, а только унаследованным от прошлых веков страхом.

С позиции обозначения перспектив исследования эволюции русского вектора дискурса во второй половине XIX – начале XX в. представляет интерес восприятие идентичности русинов Галиции известными славистами, языковедами, историками Александром Кочубинским и Антоном Будиловичем [33, 34]. Уникальным источником для понимания сложности и многогранности этого вопроса являются путевые записки «Галичина и Молдавія» (1868) знаменитого путешественника и этнографа Василия Кельсиева, которые современные исследователи часто используют фрагментарно для обоснования своих позиций<sup>9</sup>. Поэтому представляет интерес его целостная картина «малоизвестного южнорусского народа», рассматриваемая по горячим следам пребывания в городах (Перемышль, Львов) и сельской глубинке, непосредственного знакомства с жизнью и бытом евреев и русинов-хлопов (крестьян) и др. [5].

В качестве выводов обозначим основные контуры исследуемой проблемы. «Кризис идентичности» русинов Галиции, проявившийся в разнообразии проявлений ее основных маркеров (язык, обряд и др.), был детерминирован особенностями их исторического развития, а также положением региона как оспариваемого Российской империей и монархией Габсбургов этнокультурного пограничья. Эти обстоятельства обусловили содержание трех основных векторов дискурса по этому вопросу, представленного взглядами деятелей Галиции, Малороссии и Великороссии.

С одной стороны, они имели свои особенности. Интеллектуалы Галиции делали акцент на вопросах языка («азбучные войны») и предпринимали первые попытки целостного обоснования этнонациональной идентичности русинов как отдельной от поляков общности (М. Шашкевич). А в период «Весны народов» 1848 г. они, кроме этого, задекларировали свое кровное и культурное единство с малороссами Поднепровья. В отличие от размытых представлений народоведов-романтиков Малороссии ученые Великороссии предложили наиболее широкий спектр взглядов на проблему этнической идентичности русинов Галиции, рассматривая и разные проявления их самобытности, и их вместе с русинами Буковины и Подкарпатской Руси как органическую составляющую русского народа. С другой стороны, во взглядах всех участников дискурса было нечто общее: как русины Галиции, так и малороссы Поднепровья в настоящем и будущем рассматривались как органические составляющие государственных образований династий Габсбургов и Романовых.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. Переписи населения в империи Габсбургов стали проводиться с 1857 г., в частности, с 1880 г. начали определять его этническую структуру по признакам языка и обряда. Это обусловило множество манипуляций и искажение реалий, что также касается и первой половины XIX в. В современных научных работах часто фигурируют данные, согласно которым в 1849 г. в Галиции проживало 4,9 млн чел., из них русины составляли 46,8 %, поляки – 45,9 %, евреи – 6,7 %, немцы – 0,6 %. Эти данные, представленные в польских историко-географических работах, были получены на основе условно научных методик. Кроме того, они не отражают ситуацию в восточной части Галиции, где проживало 2/3 населения региона, подавляющее большинство которого составляли русины.

2. Вопрос о «православии греко-католиков», в смысле «мы православные», довольно сложный. Богословы и светские ученые объясняют этот феномен не их принадлежностью к православной церкви, а выводят его из ортодоксального понимания православия (греч. ὀρθοδοξία – «правильное [про]славление»), т. е. «правильное мнение», «правильное богослужение». Стаких позиций православие рассматривается как отказ от ересей и исповедание апостольской веры согласно Священному Писанию и постановлениям Вселенских соборов, определившим каноны единой католической церкви.

3. Вопрос исторической терминологии довольно сложен. Очевидно, что проблема употребления понятий «русины», «русский», «украинский», «русский»/«русские», «малороссы», «великороссы» и др. относительно истории Галиции должна стать предметом серьезного научного дискурса. В нашем исследовании эти и другие термины употребляются в том звучании и смысле, который в них вкладывали в первой половине XIX в.

4. Текст работы И. Левицкого «Ответ на заявление о введении польского алфавита в литературу руську» («Odpowiedź na zdanie o zaprowadzeniu abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego») опубликовал М. Возняк, который выяснил, что она была плагиатом работы Д. Зубрицкого «Апология кириллицы», находившейся тогда в рукописном варианте [3].

5. С научно-филологических позиций доказано, что латиница способна более адекватно, чем кириллица, передавать на письме некоторые особенности украинского литературного языка. Однако в истории его развития алфавит всегда воспринимался не в «технических» (языково-грамматических), а в общественно-политических категориях [14].

6. Текст статьи «Die Ruthener» см.: [31].

7. В XIX – начале XX в. фамилия «Русин» была распространена и в других регионах Карпато-Днестровских земель, в частности, ее носил почти каждый третий житель Лемковщины [10].

8. Эта статья И. Орлая, как и далее цитируемые работы Ю. Венелина «Несколько слов о россиянах...» и П. Кеппена «Литература славянских народов», была опубликована И. Свенцицким [15].

9. В частности, украинские историки активно озвучивают эпизод, когда после знакомства в середине 60-х гг. XIX в. В. Кельсиева с Я. Головацким, А. Петрушевичем, Б. Дедицким он таким образом определил идейные взгляды этих деятелей в 1848 г.: «Наш язык рускій, а не русскій – российский; мы русины, а в Россіи россияны престола св. Петра; мы пишемъ слово рускій съ однимъ с, а россияне пишутъ съ двумя с; мы принадлежимъ къ двумъ разнымъ племенамъ; российский языкъ для насъ непонятенъ, российская церковь намъ чужая; мы вѣрные сыны престола св. Петра, мы преданнѣйшіе слуги австрійской монархіи, потому что въ ней только наше греко-католическое исповедание (унія) находить себе должную защиту...» [5: 174]. Этот факт, а также приведенные в тексте признания Д. Зубрицкого и Б. Дедицкого, свидетельствуют об искренности их воззрений, навеянных событиями «Весны народов». Однако это совсем не означает, что их разделял сам В. Кельсiev, переживший сложную эволюцию внутренних убеждений.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Вахнянин А. Спомини з життя. Львів, 1908. 139 с.
2. Відділ рукописів Львівської національної наукової бібліотеки України ім. В. Стефаника. Спр. 86. Арк. 23.
3. Возняк М. Апологія кирилиці Дениса Зубрицького [Додаток]. Ювілейний збірник Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1929. Т. CL. С. 121–141.
4. Второе донесение министру народного просвещения о путешествии 1842 года, преимущественно в отношении к славянам // Погодин М.П. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 211–228.
5. Галичина и Молдавія, путевые письма Васілія Кельсієва [СПб., 1868]. 2-е изд. Bridgerport. Carpatho-Russian Literary Association, 1976. 351 с.
6. Головна Руська Рада (1848–1851): протоколи засідань і книга кореспонденції. Львів: Інститут історії церкви, 2002. 270 с.
7. Грицак Я. Руслан, Богдан і Мирон: три приклади конструювання ідентичності серед галицьких русино-українців // Україна модерна. Київ; Львів, 2003. С. 25–50.
8. Дьдицькій Б.А. Своежизьевыи записки. Львовъ: Печатня Ставропигийского ин-та, 1906. Ч. 1. 93 с.

9. *Іванова Л.Г.* Україна між Сходом і Заходом: до проблеми становлення національної ідеї в українській суспільно-політичній думці в контексті східноєвропейського розвитку (І половина XIX ст.). Київ: КПУ ім. М. Драгоманова, 2007. 192 с.

10. *Красовський І.* Прізвища галицьких лемків у XVIII ст. Львів: Край, 1993. 194 с.

11. *Кулиш П.* Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // *Новь*. 1885. Т. 4, № 13. С. 63–65.

12. Къ галицкимъ братьямъ. Собрание статей, писемъ и рѣчей по поводу славянскаго вопроса М.П. Погодина. 20-го сентября 1866 г. М.: Издание Е.И. Погодиной, 1878. С. 17–22.

13. *Лукашевич П.* Малороссийскія и черворусскія народныя думы и пѣсни. Санкт-Петербургъ: Въ типографіи Эдуарда Праув и К. 171 с.

14. *Маліневська Н.П.* Про деякі закономірності нормування фонетичної системи української мови XVII – початку XVIII століть // *Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика*. 2001. Вип. 2. С. 112–119.

15. Матеріали по історії возродження Карпатской Руси: в 2 ч. Собралъ И. С. Свѣнцицкій. Львовъ, 1906. Ч. 1: Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ой половинѣ XIX-аго вѣка. 212 с.

16. *Миллер А.И., Остапчук О.А.* Латиница и кириллица в украинском национальном дискурсе и языковой политике Российской и Габсбургской империй // *Славяноведение*. 2006. № 5. С. 25–48.

17. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 583 с.

18. *Мудрий М.* Руський собор 1848 р.: історичний та джерелознавчий огляд // *Вісник Львівського ун-ту. Серія Книгознавство*, 2014. Вип. 8. С. 193–206.

19. Начерк листу Зубрицького до «Императ. Общества истории и древностей» в Москві від 6 (18) січня 1853 р. [Додаток]. *Студинський К.* З кореспонденції Дениса Зубрицького Р. 1840–1853 // *Записки Наукового товариства імені Шевченка*. Львів, 1901. Т. XLIII, кн. V. С. 59–60.

20. Одозва до руського народу // *Зоря Галицка*. 1848. 15 мая.

21. О малороссийских народных песнях. Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827. С. I–XXXVI.

22. О неудобности латинской азбуки въ писменности русской, розсужденіе Богдана А.Д. Відень. 47 с.

23. *Орлай И.* О Юго-Западной Руси // *Записки Общества истории и древностей російскихъ*. М.: Въ университетской типографіи, 1826. Ч. 2. С. 220–229.

24. Політична провесінь Галичини. До 150-річчя заснування Головної Руської Ради 2 травня 1848 р. Львів: НТШ, 1998. 45 с.

25. *Павлишин О.* Дилема ідентичності, або історія про те, як «латинники» (не) стали українцями/поляками // *Україна модерна*. 2014. № 21. С. 179–218.

26. *Пашаева Н.М.* Русские ученые и публицисты о национальном Возрождении в Галиции. Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М.: Наука, 1970. С. 310–321.

27. Письмо к министру народного просвещения, по возвращении из пу-

тешества по Европе в 1939 году // Погодин М.П. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 188–210.

28. *Райківський І.* Ідея української національної єдності в громадському житті Галичини XIX ст. Івано-Франківськ, 2012. 930 с.

29. Русалка Дністрова. Фотокопія з видання 1837 р. Київ: Дніпро, 1972. 135 с.

30. *Савчук Б.* Українська етнологія. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2004. 560 с.

31. *Стеблій Ф.* «Русини» – забутий автограф Маркіяна Шашкевича // Шашкевичіана. Львів – Вінніпег, 2004. Вип. 5–6. С. 558–572.

32. *Сухий О.М.* Від русофільства до москвофільства. Львів, 2003. 498 с.

33. *Суляк С.Г.* А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. 2017. Т. 48. С. 166–181. DOI: 10.17223/18572685/48/12

34. *Суляк С.Г.* Вклад А.А. Кочубинского в изучение Карпатской и Карпато-Днестровской Руси // Русин. 2018. Т. 52. С. 120–140. DOI: 10.17223/18572685/52/3

35. *Суляк С.Г.* И.И. Срезневский и Карпатская Русь // Русин. 2019. Т. 56. С. 16–33. DOI: 10.17223/18572685/52/2

36. *Трильовський К.* З мого життя. Едмонтон, 1999. 278 с.

37. *Турій О.* Конфесійно-обрядовий чинник у національній самоідентифікації українців Галичини в середині XIX століття // Записки НТШ. Львів, 1997. Т. ССXXXIII: Праці історично-філософської секції. С. 69–99.

38. *Устіанович К.* Споминки зь пережитого и передуманого. Списавъ Корнило Н. Устіановичъ. У Львовѣ: Товарищество им. Шевченка, 1884. 86 с.

39. *Франко І.Я.* Критичні письма о галицькій інтелігенції. Зібрання творів у 50 т. Київ: Наукова думка, 1986. Т. 26. С. 88–92.

40. Центральний державний історичний архів, м. Львів. Ф. 514. Оп. 1. Спр. 102, 100 арк.

41. *Шашкевич М.* Азбука і абеткадло. Передрук з оригіналу 1836 р. Вінніпег, 1969. XVII с.; 30 с.

42. *Шухевич С.* Моє життя: Спогади. Лондон, 1991. 619 с.

43. *Armstrong J.A.* Myth and History in the Evolution of Ukrainian Consciousness. Ukraine and Russia in Their Historical Encounter / Ed. by P.J. Potichnyj, M. Raeff, J. Pelenski, G.N. Zekulin. Edmonton, 1992. P. 125–139.

44. *Himka J.-P.* Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867–1900. Montreal; Kingston; London; Ithaca, 1999. XXX. 236 p.

45. *Lozinskiy J.* O wprowadzeni abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego. Rozmaitości. Lwów, 1834. № 29. S. 228–230.

46. *Magocsi P.R.* The Language Question as a Factor in the National Movement. Nationbuilding and the Politics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia. Cambridge. 1982. P. 220–238.

## REFERENCES

1. Vakhnyanin, A. (1908) *Spomini z zhittya* [Memories from life]. Lviv: Z pechatni V.A. Shiykovs'kogo.
2. The Department of Manuscripts of Vasyl Stefanyk Lviv National Research Library of Ukraine. D. 86. Arc. 23.
3. Voznyak, M. (1929) Apologiya kirilitsi Denisa Zubrits'kogo [Dodatok] [Apology of the Cyrillic alphabet by Denys Zubrytsky]. *Yubileyniy zbirnik Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. SL. pp. 121–141.
4. Pogodin, M.P. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 211–228.
5. Kelsiev, V. (1976) *Galichina i Moldaviya, putevye pis'ma Vasiliya Kel'sieva* [Galicia and Moldova, travel letters by Vasily Kelsiev]. 2nd ed. Bridgeport: Carpato-Russian Literary Associati.
6. Turiy, O. (ed.) (2002) *Golovna Rus'ka Rada (1848–1851): protokoli zasidan' i kniga korespondentsii* [Supreme Rusin Council (1848–1851): meeting minutes and correspondence book]. Lviv: Institut istorii tserkvi.
7. Hrytsak, Ya. (2003) Ruslan, Bogdan i Miron: tri prikladi konstruyuvannya identichnosti sered galits'kikh rusino-ukraïntsi [Ruslan, Bogdan and Myron: Three examples of identity construction among Galician Rusin-Ukrainians]. *Ukraina moderna*. 8. pp. 25–50.
8. Didytsky, B.A. (1906) *Svoezhit'evyi zapiski* [Live notes]. Part 1. Lviv: Pechatnya Stavropigiysskogo in-ta.
9. Ivanova, L.G. (2007) *Ukraina mizh Skhodom i Zakhodom: do problemi stanovlennya natsional'noi idei v ukrains'kiy suspil'no-politichnyi dumtsi v konteksti skhidnoevropeys'kogo rozvitku (I polovina XIX st.)* [Ukraine between East and West: toward the problem of forming the national idea in Ukrainian socio-political thought in the context of Eastern European development (the first half of the 19th century)]. Kyiv: National Pedagogical Dragomanov University.
10. Krasovsky, I. (1993) *Prizvishcha galits'kikh lemkiv u XVIII st.* [The surnames of Galician Lemkos in the 18th century]. Lviv: Kray.
11. Kulish, P. (1885) *Vospominaniya o Nikolae Ivanoviche Kostomarove* [Memoirs of Nikolai Ivanovych Kostomarov]. *Nov'*. 4(13). pp. 63–65.
12. Pogodin, M.P. (1878) *K "galitskim" brat'yam". Sobranie statey, pisem" i rechey po povodu slavyanskogo voprosa M.P. Pogodina. 20-go sentyabrya 1866 g.* [To the Galician brothers. Collection of Articles, Letters and Things about the Slavic Issue. September 20, 1866]. Moscow: E.I. Pogodina. pp. 17–22.
13. Lukashevich, P. (n.d.) *Malorossiyskiya i chervorusskiya narodnyya dumy i pesni* [Little Russian and Red Russian national ballads and songs]. St. Petersburg: Eduard Prauv i K.
14. Malinevska, N.P. (2001) *Pro deyaki zakhodnykh zakonovirnosti normuvannya fonetichnoi sistemi ukrains'koi movy XVII – pochatku XVIII stolit'* [On Ukrainian phonetic system normalization in the 17th – early 18th centuries]. *Aktual'ni problemi ukrains'koi lingvistiki: teoriya i praktika*. 2. pp. 112–119.
15. Svetsitsky, I.S. (1906) *Materialy po istorii vozrozhdeniya Karpatskoy Rusi: v 2 ch.* [The History of the Carpathian Rus Revival]. Lviv: [s.n.].



16. Miller, A.I. & Ostapchuk, O.A. (2006) *Latinitsa i kirillitsa v ukrainskom natsional'nom diskurse i yazykovoy politike Rossiyskoy i Gabsburgskoy imperii* [Latin and Cyrillic alphabets in the Ukrainian national discourse and language policy of the Russian and Habsburg Empires]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 25–48.

17. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social history of Russia during the empire period (the 18th – early 20th centuries). Genesis of the personality, democratic family, civil society and constitutional state]. 3rd ed. St. Petersburg: D. Bulanin.

18. Mudry, M. (2014) *Rus'kiy sobor 1848 r.: istorichnyi ta dzherelozhnavchiiy oglyad* [The 1848 Ruthenian Congress: historical and source review]. *Visnik L'viv's'kogo un-tu. Seriya knigozhnavstvo*. 8. pp. 193–206.

19. Studinsky, K. (1901) *Z korespondentsii Denisa Zubrits'kogo (1840–1853)* [An outline of Zubrytskyi's letter to "Imperial Society of History and Antiquities" in Moscow from January 6(18) 1853]. *Zapiski Naukovogo tovaristva imeni Shevchenka*. XLIII(5). pp. 59–60.

20. Anon. (1848) *Odozva do rus'kogo narodu* [The appeal to the Rusin people]. *Zorya Galitska*. 15th May.

21. Maksimovich, M. (1827) *O malorossiyskikh narodnykh pesnyakh* [About Little Russian folk songs]. Moscow: [s.n.]. pp. I–XXXVI.

22. Deditsky, B.A. (1859) *O neudobnosti latinskoy azbuki v" pismennosti ruskoy, rozsuzhdenie Bogdana A.D.* [On the inconvenience of the Latin alphabet in Russian writing, discourse of Bogdan A.D.]. Viden: Knigopech. oo. mekhitaristov.

23. Orlay, I. (1826) *O Yugo-Zapadnoy Rusii* [On South-Western Russia]. In: *Zapiski Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh* [Notes of the Society of History and Antiquities of Russia]. Moscow: V" universitetskoy Tipografii. pp. 220–229.

24. Kripyakevich, R. (1848) *Politichna provesin' Galichini. Do 150-richchya zasnuvannya Golovnoi Rus'koï Radi 2 travnya 1848 r.* [Political spring in Galicia. To the 150th anniversary of the founding of Supreme Ruthenian Council on May 2, 1848]. Lviv: NTSh.

25. Pavlishin, O. (2014) *Dilema identichnosti, abo istoriya pro te, yak "latinniki" (ne) stali ukraïntsyami/polyakami* [Identity dilemma or story of how "latynnyky" (did not) became Ukrainian / Poles]. *Ukraina moderna*. 21. pp. 179–218.

26. Pashaeva, N.M. (1970) *Russkie uchenye i publitsisty o natsional'nom Vozrozhdenii v Galitsii* [Russian scientists and publicists on the national Renaissance in Galicia]. In: Freidzon, V.I. (ed.) *Razvitie kapitalizma i natsional'nye dvizheniya v slavyanskikh stranakh* [The Development of Capitalism and National Movements in the Slavic Countries]. Moscow: Nauka. pp. 310–321.

27. Pogodin, M.P. (2010) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 188–210.

28. Raykivsky, I. (2012) *Ideya ukraïns'koï natsional'noï ednosti v gromads'komu zhitti Galichini XIX st.* [The idea of Ukrainian national unity in the public life of Galicia in the nineteenth century]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].

29. Shashkevich, M. et al. (1972) *Rusalka Dnistrova. Fotokopiya z vidannya 1837 r.* [The Mermaid of the Dniester. Photocopy of the 1837 edition] Kyiv: Dnipro.



30. Savchuk, B. (2004) *Ukrains'ka etnologiya* [Ukrainian Ethnology]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.
31. Stebly, F. (2004) "Rusini" – zabutyi avtograf Markiyana Shashkevicha ["Rusins" – forgotten autograph of Markian Shashkevych]. *Shashkevichiana*. 5–6. pp. 558–572.
32. Sukhiy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva* [From Russophilism to Muscophilism]. Lviv: Ivan Franko National University of Lviv.
33. Sulyak, S.G. (2017) A.S. Budilovych and Carpathian Rus. *Rusin*. 48. pp. 166–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/12
34. Sulyak, S.G. (2018) A.A. Kochubinskyi's contribution to the study of Carpathian and Carpatho-Dniester Rus. *Rusin*. 52. pp. 120–140 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/3
35. Sulyak, S.G. (2019) I.I. Sreznevsky and Carpathian Rus. *Rusin*. 56. pp. 16–33 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/52/2
36. Trilovsky, K. (1999) *Z mogo zhittya* [From my life]. Edmonton: [s.n.].
37. Turiy, O. (1997) Konfesiyno-obryadoviy chinnik u natsional'niy samoidentifikatsii ukraintsiv Galichini v seredini XIX stolittya [Confessional and ritual factor in national self-identification of Galician Ukrainians in the mid 19th century]. *Zapiski NTSh*. CCXXXIII. pp. 69–99.
38. Ustianovich, K. (1884) *Spominki z" perezhitogo i peredumanogo* [Memories of something that has been experienced and thought over]. Lviv: Tovarišchestvo im. Shevchenka.
39. Franko, I.Ya. (1986) *Kritichni pis'ma o galits'kiy inteligentsii. Zibrannya tvoriv u 50 t.* [Critical letters about the Galician intelligentsia. Collected works in 50 vols]. Vol. 26. Kyiv: Naukova dumka. pp. 88–92.
40. The Central State Historical Archive in Lviv. Fund 514. List 1. File 102, 100 ark.
41. Shashkevich, M. (1969) *Azbuka i abetsadlo. Peredruk z originalu 1836 r.* [The ABC and abetsadlo]. Winnipeg: [s.n.].
42. Shukhevich, S. (1991) *Moe zhittya: Spogadi* [My life: Recollections]. London: Ukraïns'ka vidavnicna spilka.
43. Armstrong, J.A. (1992) Myth and History in the Evolution of Ukrainian Consciousness. In: Potichny, R.J., Raeff, M., Pelenski, J. & Zekulin, G.N. et al. *Ukraine and Russia in Their Historical Encounter*. Edmonton: Canadian Inst of Ukrainian Study. pp. 125–139.
44. Himka, J.-P. (1999) *Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867–1900*. Montreal; Kingston; London; Ithaca: McGill-Queen's University Press.
45. Lozinsky, J. (1834) O wprowadzeni abecadła polskiego do piśmiennictwa ruskiego. *Rozmaitości*. 29. pp. 228–230.
46. Magocsi, P.R. (1982) The Language Question as a Factor in the National Movement. In: Markovits, A.S. (ed.) *Nationbuilding and the Rolitics of Nationalism. Essays on Austrian Galicia*. Cambridge: Harvard University Press. pp. 220–238.

**Савчук Борис Петрович** – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

**Boris P. Savchuk** – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

**E-mail:** boris\_savchuk@ukr.net

**Билавич Галина Васильевна** – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

**Galyna V. Bilavych** – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

**E-mail:** ifosuhcvas@gmail.com